

Максим Белоцерковский и Ирина Дворовенко
в проникновенном «Прощании»

Бриллианты и меха

В Кремлевском дворце прошел концерт памяти Рудольфа Нуреева

Гала-концерты «Бриллианты мирового балета» — мероприятия статусные и помпезные. Проводятся регулярно, почти каждый год, и вот-вот перерастут в своеобразный мини-фестиваль. Программа нынешних «Бриллиантов» длилась уже не один, а два вечера. На сцене Кремлевского дворца танцевали звезды из Франции, Австрии, Дании, Америки и России. Концерты посвятили памяти Рудольфа Нуреева. Но только балетом дело не ограничилось.

Елена ГУБАЙДУЛЛИНА

Первое отделение началось с большого отрывка из документального фильма о том, как Нуреев ставил в 1964 году «Раймонду» на фестивале в Сполето. Рассказывал о творчестве в довольно уклончивом интервью, репетировал с балеринами, танцевал сам. Предательская камера донесла, что танец гения был не всегда безупречен. Зато глаза светились такой волей к победе и молодым нахальством, что весь мир обязательно должен был рухнуть у ног этого российского эмигранта. Про дальнейшую судьбу Нуреева знает каждый, кто мало-мальски интересуется балетом. Об этапах большого пути вкратце рассказала и программа гала-концерта.

Сначала выступали учащиеся Московской академии хореографии. Проницательные зрители сообразили, что среди мировых балетных бриллиантов младшеклассники появились неспроста. Стародавний танец «Суворовцы» намекал на советское детство Нуреева.

Бодрый марш сменили тревожные настроения. Солистка Венской оперы Симона Ножа скользила по сцене в опасных glissando. Пластическая речь, придуманная хореографом Ренато Занеллой, то и дело обрывалась. Балерина застыла на месте, словно чуя недоброе, настроенно вглядывалась в темную даль. Фрагмент назывался «Встреча Штрауса с Верди», но слово «побег» подходило ему гораздо больше. Название следующего номера, «Прощание», биографическому концерту соответствовало точнее. Других достоинств в слащавом лирическом адажио хореографа Чивенгеллера не обнаружилось. Но Ирина Дворовенко и Максим Белоцерковский (бывшие киевляне, а ныне — солисты Американского Балетного театра) исполнили его чисто и слаженно.

Одной из страничек нуреевской биографии ловко воспользовались спонсоры. «Великий танцор дружил с ведущими домами мод Франции и Италии и даже участвовал в их рекламе», — провозгласил голос за сценой, оправдывая невесту откуда взявшееся

меховое дефиле. Хмурые модели в шубках и пальтишках целых двадцать минут шагали по сцене под эстрадное уханье и крики «Позор!». А следующее объявление ведущего: «Чайковский! Падете-де из балета «Лебединое озеро» — вызвало в зале настоящую истерику. Устроители «Бриллиантов», судя по всему, забыли, что академическая и массовая культура в одном концерте пока еще не сочетаются. Даже на такой необъятной сцене, как кремлевская.

Но несмотря на казусы, были в гала-программе и самые настоящие балетные бриллианты. Солисты Национальной оперы Бордо танцевали «Павану мавра» Хосе Лимона. Партию Отелло вел легендарный Шарль Жюд (он стал звездой «Гранд-опера» еще при Нурееве). Мудро-величественный и усталый, немного похожий на обманутого льва.

Инопланетную сложность танца демонстрировали венцы Симона Ножа и Джузеппе Пиконе. В номере Уильяма Форсайта «Слингленд» извивались причудливые спирали. У линий не было ни конца, ни начала, как одно движение перетекало в другое, понять было невозможно. Кстати, ни одного балета Форсайта полностью в Москве до сих пор не видели. Зато «Бриллианты мирового балета» постоянно приоткрывают нашим балетоманам небольшие «форточки в Европу».

С новейшими минималистскими веяниями ознакомил номер датчанина Тима Раштона «Кочевники» на музыку Арве Пярта. Будущий худрук труппы Большого Алексей Ратманский выступил в этой миниатюре пока еще как солист Датского Королевского балета. Вместе с Мари-Пьер Грев колдовал над пространством, как древний шаман. Акварельно, завораживающе, плавно. Несколько резких прыжков — и снова возврат к медитации. Так после грома среди ясного неба снова наступает тишина.

В финале концерт снова вспомнил о своем главном герое. Звезды парижской оперы исполнили большой фрагмент из нуреевского «Лебединого озера». Напористая Одиллия Аньес Летестю, рафинированно-галантный принц Хосе Мартинеса и по-спортивному брутальный Злой гений Уильфрида Ромоли составили довольно странное трио. По отдельности все этуали выглядели великолепно, а ансамбля не сложилось. Но с каверзными пассажами хореографии справились блестяще.

Нуреев ломал привычную логику классических комбинаций, складывая движения в порядке, понятном одному ему. Он всегда делал все по-своему и был непоколебимо уверен в своей правоте. И именно поэтому заставил-таки весь балетный мир рухнуть у своих ног.

Известия - 2003 -
17 окт. - с. 12

Нуреев Рудольф
(1919-1993)

17.10.04